

ВЕК РОССИЙСКОГО ПРОЕКТА «АНТИ-ЕВРОПА»

Михайленко Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Заслуженный работник высшей школы РФ. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Исследование европейской «руссофобии» является предметом многочисленных российских и зарубежных исследователей. В меньшей степени обращается внимание на другую сторону медали – «еврофобию» в современной России. В статье исследуются происхождение и исторические корни «еврофобии» в России, которая являлась важной частью российской внешней политики после революции 1917 года. В статье оцениваются исторические, политические, цивилизационные, ценностные основания «еврофобии», использование политическими режимами концепции «осажденной крепости».

Ключевые слова: руссофобия, еврофобия, проект Анти-Европа, евразийство, социальный коллективистский архетип, концепция «осажденной крепости».

CENTURY OF THE RUSSIAN PROJECT “ANTI-EUROPE”

Mikhailenko Valery I., Doctor of Historical Sciences, Professor; Professor at the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University named after the First President of the Russia B.N. Yeltsin, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. Yekaterinburg, Russia

Abstract. The study of European “Russophobia” is the subject of numerous Russian and foreign researchers. A small attention is drawn to the other side of the coin – “eurofobia” in contemporary Russia. The article examines the origins and historical roots of “Europhobia” in Russia, which was an important part of Russian foreign policy after the 1917 revolution. The article assesses the historical, political, civilizational, value foundations of “eurofobia”, the use by political regimes of the concept of “besieged fortress”.

Keywords: Russophobia, Eurofobia, Anti-Europe project, Eurasianism, social collectivist archetype, concept of “besieged fortress”.

ВВЕДЕНИЕ

Недавно отмеченное столетие Октябрьской революции предоставляет повод для научного осмысления устойчивости российского феномена «антиевропеизма», который сохраняет преемственность, несмотря на смену политических режимов.

Европейские исследователи концепции «руссофобии» ставят в вину коллективному Западу то, что именно он провоцирует антиевропейскую позицию России. Например, итальянский исследователь Л. Джанотти утверждает, что в основе российского антизападничества лежит «глубокое возмущение обманом, сиюминутным обманом». Западные политики брали на себя обязательства не распространять НАТО на страны, входившие прежде в Варшавский договор, но не сдержали свои обещания. Кроме того, когда Пентагон планировал вторжение в Афганистан, Россия активно сотрудничала с США. Взамен Путин надеялся на большой антитеррористический альянс и ждал признания геополитических интересов России на постсоветском пространстве. «Но вскоре стало ясно, что это не в интересах Вашингтона» [22, р. 117, 119]. Франческа Мереу, работавшая в качестве корреспондента в Москве, исходит в своем исследовании из прихода к власти чекистов. Связанный

с ними президент Путин пришел к власти, чтобы воскресить историческую фигуру «царя»: мстительного вождя и вместе с тем обожаемого собственным народом. В русской национальной традиции поддерживать фигуру сильного руководителя [24, р. 12, 190]. Антизападная политика Путина является естественной реакцией на попытку ослабить Россию, взять в собственные руки ее национальные богатства [23].

Известный итальянский журналист Джульетто Кьеза объясняет феномен руссофобии в Европе тем, что Запад не понимает Россию и не может сделать ничего другого, кроме, как атаковать Россию. Происхождение руссофобии на Западе следует искать на иррациональном уровне: Запад не воспринимает «Другого и Необычного». На самом деле русские – европейцы, но в то же время они азиаты. Это двойное измерение составляет еще одну антропологическую категорию в европейской культуре, которая проявилась в других исторических событиях. Эта «инакость», относящаяся к такой богатой и великой цивилизации, как русская, в которой Запад не может господствовать, порождает страх. С другой стороны, Россия не имеет стремления быть частью Запада [21].

Швейцарский журналист Ги Меттан исследуя проблему русофобии на Западе, пришел к выводу, что это феномен коллективной психологии, своего рода психопатии. Исторические процессы, богословские расхождения, религиозные расколы – создали благоприятную основу для формирования современной русофобии. Русофобия используется для манипулирования общественным мнением и формирования его в соответствии с государственными, экономическими и геополитическими интересами [25].

Иной взгляд на формирование русофобии в Европе представлен в книге Алессандро Витале и Джузеппе Ромео [33]. Авторы отмечают, что после распада СССР современная Россия «пытается вернуть свою значительную роль в международной политике». И политический класс пытается идентифицировать себя «в значительной степени в соответствии с длинной историей предыдущего имперского периода». Среди более общих целей такого подхода – достижение внутреннего консенсуса «для того, чтобы консолидировать комплекс постсоветского государственного строя, подавляя слабость территориального государства». Авторы утверждают, что российское руководство использует имперскую идентичность для внутренней легитимации. Для этих целей используется фигура «внешнего врага, угрожающего этой целостности и огромному природному богатству страны». Таким образом, «неопределенность в отношении политической природы современной России оказывает решающее влияние на ее внутреннюю и внешнюю политику» [33, р. 1, 2].

Идея данной статьи навеяна книгой итальянского коллеги Пьетро Нелье, которая была опубликована под названием «Век анти-Европы. Классы, нация и раса: тоталитарный вызов» [29]. П. Нелье считает, что первая мировая война, рассматриваемая им как «европейская гражданская война», «стала повивальной бабкой *анти-Европы*, этого понятия, включающего в себя антиевропейские чувства, проявляющиеся в поисках и разработке идей, политических программ, идеологий, вступающих в противоречие с идеями европейской идентичности» [Там же, р. 6]. «Идея Европы есть цивилизационная идея, которая формируется в рамках встречи-столкновений, т.е. во всех многообразиях... в ее сложной идентичности» [Там же, р. 8, 9].

С политической точки зрения проект Европы не является только либерально-демократическим, но также коммунистическим, национал-социалистическим, консервативным, авторитарным или тоталитарным. Все перечисленные типы политических режимов и государств являются европейскими проектами.

С религиозной точки зрения католицизм не является единственной европейской религией, но также православие, протестантизм и ислам имеют корни в Европе.

С философской точки зрения выстрадавшая современная европейская идея означает толерантность по отношению к «Другому». Умберто Эко спрашивает: «Почему же тогда существуют (существовали) культуры, санкционирующие массовое убийство, каннибализм, унижающие тело Другого? Просто по той причине, что в них круг Других сужен до пределов племени (или этноса) и «варвары» не воспринимаются как человеческие существа» [17, с. 9].

В данной статье изучение русофобии не является приоритетной задачей исследования. В данной статье автор предпринимает попытку ответить на вопрос, почему у российских (советских) лидеров сформировалась собственная фобия, которая называется «историческим антиевропейством». Что мешает реализации проекта объединенной Европы «от Атлантики до Урала»? Автор пытается исследовать эту проблему с точки зрения когнитивного и особенно миметического методологического подхода (в духе Рене Жирара).

«РУССКИЙ ВОПРОС» В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ответ на вопрос относительно корней российского проекта «анти-Европы» необходимо искать в особенностях «русского вопроса». Среди важнейших исследований, позволяющих понять особенности этой темы, выделяется работа профессора Витторио Страда, опубликованная в 1991 г. «Русский вопрос: идентичность и судьба» [31]. В. Страда проводит исторические параллели между судьбами Германии и России и утверждает, что в начале XX в. обе не являлись европейскими странами в смысле европейской культуры и политики. «В этих странах существовала дистанция между интеллектуальной жизнью и политической реальностью верхов в отличие от нормального состояния противоречий между культурой и институтами западных стран» [Там же, р. 17].

В отличие от Германии, которая после второй мировой войны была европеизирована, Россия, начиная с Октябрьской революции 1917 г., осуществила «радикальное отрицание либерально-демократической и христианско-социальной западной традиции» [Там же, р. 19]. Главная проблема современной России находится в расколе между «старым» обществом и «новым» обществом. Потенциал демократического обновления России 1990-х гг. был исчерпан слишком быстро. Современная политическая элита чрезмерно милитаризована, обучена в советских традициях и не приемлет «Другого». Неудивительно, что в современной России существуют политические, религиозные и культурные предпосылки для продолжения тоталитарного проекта «анти-Европа».

Как страна догоняющей модернизации Россия обречена на конвульсивный и нестабильный процесс само-модернизации. Не являясь поклонником телеологического взгляда на исторический процесс, хотелось бы все-таки подчеркнуть, что российская трагедия XX в. связана с особенностями исторического развития страны. На протяжении всей российской истории, начиная с Киевской Руси, общество было разделено на два слоя – европейский и традиционалистский.

Октябрьская революция должна была, прежде всего, модернизировать архаичную правящую систему. Можно утверждать, что в октябре 1917 г. победившая революция имела европейский фасад, но сохранила традиционалистскую сущность общества и даже ее усилила. По большому счету Сталин использовал те же методы и средства модернизации страны, которые до него применяли Иван Грозный и Пётр Великий. Модернизация экономики была основана на принуждении человеческих ресурсов и на обнищании народа. Большая часть строителей социализма стали политическими

пленниками, которые работали не в лучших условиях, чем рабы.

Столкновение между различными субкультурами, которые разделяли между собой в России новоевропейский тип культуры и традиционного общества, завершилось победой новоевропейского типа по форме и традиционалистского по сути. Геноцид гражданской войны, отправленные большевиками в эмиграцию пароходы с интеллигенцией, сталинские репрессии насильственно устранили этот общественный разрыв в пользу коллективистского традиционалистского по сути типа общества. Неудивительно, что коллективистская идея прижилась в советском обществе. С постоянной неудовлетворенностью, догоняющей мировое развитие страны, имевшей гигантские природные и человеческие ресурсы, с населением, не привыкшим жить для себя, по буржуазному, зато опьяненным мессианскими идеями, Россия не могла не втянуться в амбициозные глобальные проекты исторического скачка.

Первичную ячейку советского общества составлял *советский человек*, не имеющий чувств национальных и исторических корней, в котором было подавлено собственническое, личностное и индивидуалистическое начало. Что означает «государство» для россиянина? Исторически российское, а затем советское государство стремилось убедить россиянина в необходимости любить его, государство. Тем не менее, в сознании россиянина было и есть отчужденное и даже враждебное отношение к государству.

Государство противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, ему нельзя верить, с ним можно бороться [7, с. 72]. Соответственно этому сформировалось отношение ко всему государственному: к политике, к законодательной и исполнительной власти, к государственным служащим всех рангов. Ненависть к государственному часто использовалась властью для переключения внимания масс.

Пролетарская диктатура, введенная на период перехода «от государства к негосударству», ограничилась заменой государственной бюрократии. Однако спустя четыре года после неудачных попыток привлечь к управлению рабочих и крестьян, были возвращены на государственную службу сотни тысяч чиновников старого самодержавного аппарата. Таким образом, сформулированная как одна из принципиальных целей советской власти – задача огосударствления экономики – безальтернативно подводила власть к созданию мощного государственного бюрократического аппарата. До 28 июня 1918 г. большевики осуществили огосударствление практически всей промышленности, банков, транспорта, внешней торговли [6, с. 240, 241]. 1 декабря 1917 г. были созданы новые органы управления хозяйством – совнархозы. Система управления выстраивалась по ленинскому замыслу: беспрекословное повиновение масс единой воле руководителя трудового процесса. Предполагалось, что централизация и единоначалие должны сочетаться с сознательным участием масс в хозяйственной жизни, с разнообразным контролем снизу [Там же, с. 252].

Проблема борьбы с государственным бюрократизмом занимала столь важное место в первые годы советской власти, что ей был посвящен целый раздел в Программе партии 1919 г. [8, с. 79]. Суть административных мер сводилась к ротации чиновников, к расширению самоуправления, к упрощению бюрократического аппарата.

После нескольких попыток реформ государственно-го управления Сталин фактически восстановил дореволюционную систему государственного управления. Недостатки профессиональной подготовки государственных чиновников и отбора по профессиональному принципу компенсировались жесткой партийной дисциплиной и контролем, навязыванием атмосферы страха среди чиновников перед реальной угрозой репрессий.

Для присмотра над бюрократией и выполнения связующей роли в обществе использовались профсоюзы и партия. Профсоюзная дискуссия в 1920-х гг., в ходе которой предпринимались попытки поставить профессиональные союзы над партийными и государственными организациями, завершились установлением партийной диктатуры. Сталин неоднократно использовал партийный инструмент против государственной бюрократии для запуска последующих массовых репрессивных кампаний.

Никакого иного выбора у советского руководства не было. Один из наиболее известных исследователей бюрократических систем Л. фон Мизес доказывает, что жесткий правительственный контроль над экономической активностью несовместим с любой формой конституционного и демократического режима. По мнению австрийского экономиста, единственным показателем демократичности бюрократической системы является примат закона для нее *Nulla poena sine lege* (нет наказания без закона). Альтернативой демократической системе управления является административно-бюрократическое управление. «Равным образом истинно, что бюрократия проникается глубокой ненавистью в отношении частной экономической деятельности и свободной инициативы... Она стремится к тотальному контролю над экономикой и деятельностью государства и рассматривает в качестве общественного врага любого предпринимателя, который намеревается выйти из-под ее контроля» [26, р. 22, 24]. Л. Мизес утверждал, что государственная бюрократия является прямым исполнителем тоталитарной политики государства [Там же, р. 33].

Российская история XX в. показала, что государственная бюрократия обладает устойчивыми поведенческими стереотипами, корпоративной солидарностью и фантастической способностью регенерации. Неоднократно на протяжении столетия, изменив свой внешний облик, российская бюрократия вместе с тем легко узнаваема как специфически отечественное образование. Более того, как показал опыт демократического транзита 90-х гг. XX в., наличие формальных признаков демократии – разделения политических властей – ничего не меняет в поведении государственной бюрократии. В России она властолюбива и проникнута тоталитарным духом и поведением. Философ М. Мамардашвили, анализируя феномен сталинизма, справедливо писал: «...Никакого сталинизма

не существовало... На самом деле Сталин – это продукт миллионов «самовластий», вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию... Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал» [10, с. 170].

Чисто внешне был создан новый тип советской культуры, изменилось мировоззренческое, эстетическое восприятие мира, установились новые этические отношения между индивидуумами, в семье и обществе. Используя методы *социалистического воспитания, принуждения и насилия*, новое государство ликвидировало сословную дифференциацию традиционного общества, на смену ей пришла более современная *иерархия функций (т.е. служебная карьера)*, было минимизировано влияние негосударственных структур – родового общества, семьи, гражданского общества, религии. В реальности, по таким показателям, как профессиональная этика, отношение к труду, эффективность организации труда российское сельское хозяйство и промышленность не достигли уровня развитых европейских стран.

Насильственная коллективизация физически стерла организационные формы локальных структур традиционного общества. Неформальная, частная жизнь находилась под фактическим запретом. Самым жестоким образом были прерваны исторические традиции, опыт поколений, переписана в удобном режиме тона вся отечественная история. Тем не менее, наряду с приобретенным, «советским» в массовом сознании следует учитывать наличие пластов унаследованного национальным архетипом «соборного», православно-христианского, антихристианского, языческого, локально-общинного сознания.

О соотношении национального и имперского в современном государстве.

Казалось, в СССР было создано абсолютно органичное, непротиворечивое, деатомизированное общество, слившееся с государством. «Государство – это мы», – звучал один из популярных коммунистических лозунгов. По логике Маркса и Энгельса государство достигло своей цели органического слияния с обществом и должно было отмереть. Однако, этого не произошло.

Один из исследователей советского государства Михаил Агурски утверждает, что проект Советского Союза был не столько реализацией утопической идеи большевиков, сколько наиболее последовательным претворением в жизнь традиционной русской идеологии государственности, не имеющей ничего общего с европейским марксизмом [18, р. 10, 11]. С такой постановкой вопроса в принципе можно согласиться. Как известно, последовательные антикоммунисты, евразийцы в 1920–1930-х гг. открыто поддерживали большевиков в строительстве советского государства, усматривая в нем продолжение традиций Российской империи.

Однако с другим его определением – «этатизм» (или централизованное государство как высшая и абсолютная ценность) является формой национализма» – хотелось бы поспорить. М. Агурски относит к однопорядковым явлениям распространение русского религиозного и панславянского мессианства, с одной стороны, и усиление русского национализма, с другой стороны. Таким образом, даже в провозглашенной отцом Философом идее «Москва – Третий Рим» он уже усматривает

реальную националистическую угрозу миру со стороны российского государства [Там же, р. 23, 26]. Однако в России, по нашему мнению, ни в дореволюционный, ни в советский период не произошло *завоевание государства нацией*, т.е. не сложилось *русское национальное государство*.

В современном значении понятий «государство» и «национализм» их слияние произошло сравнительно недавно на рубеже XVIII–XIX вв. и связано с Французской революцией. В Декларации прав человека и гражданина центральной фигурой суверенитета определялась нация. Через известную концепцию Руссо «о выражении всеобщей воли» произошло слияние национальной идеи с культом (мифом) о народном суверенитете. Новое единство искало формы своего выражения через создание новой политической практики, новых ритуалов, новой светской религии. Национальная идея превращается в идеологию масс и массовых политических движений, и партий только в XIX в. Как и социализм, национализм является разновидностью коллективистской идеологии, призывающей индивидуума раствориться в высшем социальном и коллективистском единстве. Обе эти идеологии видят в захвате политической власти необходимое условие полной реализации их целей [20, р. 13, 32, 41].

К концу XIX в. в европейском национализме проявились две тенденции, первую из которых евразиец Н.С. Трубецкой назвал «эгоцентрическим национализмом», а вторую – «истинным национализмом». К первой он отнес «общероманогерманский шовинизм» [15, с. 36]. Не акцентируя внимания на национальном признаке «эгоцентрического национализма», отметим наиболее важные вехи его становления. Наполеоновская экспансия велась от имени французской нации и ставила целью установление ее гегемонии. Встреченные первоначально как освободители и носители передовых идей, французы спровоцировали рост национального самосознания на завоеванных территориях, а затем столкнулись с национальным сопротивлением и движением к национальному суверенитету. Х. Арендт считает, что французы были единственными, кто попытался соединить *ius (право)* и *imperium (империя)*. По крайней мере они попытались превратить политический организм национального государства в имперскую политическую структуру, веря в то, что «французская нация шагала вперед...», чтобы распространить блага французской цивилизации». Они стремились включить заморские владения в национальное целое, обращаясь с покоренными народами «и как с братьями, и ...как с подданными, – братьями в семье единой французской цивилизации и подданными в смысле обучения французскому просвещению и следования французскому руководству». Х. Арендт подчеркивает, что результатом этого «смелого начинания» была особенно жестокая эксплуатация французами заморских владений во имя нации [2, с. 192].

Процесс национально-государственного освобождения сопровождался расслоением националистических идей. Заслуживают внимания изучение последствий националистической волны, которая двигалась с Запада на Восток в XIX в. В некоторых регионах Восточной Европы она спровоцировала раскол православия на национальные автокефальные церкви. Однако

есть основания предполагать, что последствиями этого раскола в большинстве случаев стало не становление *национального государства*, а тиражирование имперских идей в миниатюре.

В фашистской Италии национализм использовал идеологию божественного права «избранного народа» на национальный суверенитет. Поэтому итальянский национализм имел религиозно-мессианскую окраску. И в годы фашизма в ходе территориальной экспансии использовалось скорее имперское, чем националистическое обоснование, начиная от концепции «кризиса капиталистической цивилизации» и мессианской роли «универсальной фашистской идеи» в строительстве «новой цивилизации», основанной на «римской традиции империи». В основу плана итальянского «жизненного пространства» был положен принцип «иерархии отношений», который и должен был обеспечить единство империи. Это означало, что экономические, национальные, расовые, социальные и политические отношения выстраивались строго по принципу иерархического подчинения. За итальянцами признавалась «цивилизаторская роль» в рамках империи и подчинение «низших рас» «высшей итальянской расе». Расовая политика занимала заметное, но не главное место в фашистской имперской идее. Тоталитарность фашистской идеи подчеркивал примат *Государства*. В фашистской доктрине было записано: «...для фашизма все находится в государстве... ничего человеческого или духовного, что представляло бы какую-либо ценность, вне государства. В этом смысле фашизм является тоталитарным...» Государство, согласно фашистской доктрине, представляет имманентное сознание нации [11].

Иное направление получило развитие националистической идеи в *Германии*. Развитие философского пантеизма Фихте, Шеллинга, Гегеля достигает своей абсолютной формы в начале XIX в. в германском национализме. Фихте перевел христианское обожествление «Я» в коллективное и националистическое «Мы». За этим последовала разработка идеи исключительности германской нации, претворенной в статусе германского *Государства*. Как известно, Гегель довел концепцию *Государства* до высшей формы суверенитета, в котором и реализуется Дух. У Фихте исключительные качества германского народа-нации основываются на концепциях «крови» и «расы» в эмпирико-мифологическом значении.

В последующем пангерманисты используют эту концепцию в расистских целях. В идеологии германского национал-социализма высшей ценностью провозглашалась раса, которая полностью ассоциировалась с нацией. В программе НСРПГ было записано: «Нация ... это высший синтез всех материальных и духовных ценностей расы». А «чистота расы» определялась в свою очередь мифической концепцией «германской крови» [20, р. 41, 43]. Германский национализм стремился использовать религиозные формы для актуализации традиционалистских мифологий. Например, германские националисты использовали сложившиеся ритуалы и мифологию народного, *Volk* движения, понятные простому человеку [28].

Мессианская тема звучит в германском национализме в плане абсолютной исключительности немцев в осуществлении ими наивысшего предназначения

на земле. В отличие от имперских и ряда националистических идей в концепции германских нацистов государство являлось жизненной функцией народа, в котором примат оставался за расовой народной общностью. В тоталитарной нацистской системе над законом стояло «святое народное чувство», к которому должен был прислушиваться любой судья при исполнении своих обязанностей [26, р. 61].

Вышеприведенный сравнительный материал имеет для нас важное значение, чтобы понять соотношение имперского и национального в массовом сознании россиян и в политике российского и советского государства.

В 1917 г. исторический процесс в России был остановлен в тот момент, когда распад Российской империи не завершился становлением национальных государств. Весьма условно можно говорить о национальном самосознании россиян. Социальные связи локальных общинных структур не успели перерасти в национальные. На уровне личностного и массового сознания еще не успели сформироваться национальные архетипы. По ряду причин в русском обществе сформировался в основе своей антизападный стереотип видения мира. Европейская культура, как правило, являлась аристократической, оторванной от простого народа.

Причины успеха ленинского плана создания космополитического государства, объединенного интернационалистской идеей, заключались, прежде всего, в том, что по своей форме они мало чем отличались от мессианских идей русского православия. Эта черта была подмечена и исследована философом Н. Бердяевым: «В русском коммунизме воля к могуществу оказалась сильнее воли к свободе. В коммунизме элемент империалистический сильнее элемента революционно-социального» [3, с. 215]. Можно добавить, что и сильнее *национального*.

Имперско-территориальное мышление имеет религиозную матрицу и занимает центральное место в русском православии, во всей византийско-христианской политической культуре. Эта матрица, освобожденная от религиозного языка, была использована для обоснования Союза Советских Социалистических Республик.

Основные компоненты этой концепции синтезировал итальянский исследователь А. Витале.

1. Вечно живая идея вечности/нерушимости Империи в ее территориально-имперском единстве, которая является святым, божественным инструментом. Все это сводимо к органичной метафоре – «Империя как живое тело».
2. Идея империи в ее качестве исключительной защитницы христианства.
3. Универсальный характер имперской идеи.
4. Идея, что имперская земля является «святой», поскольку она вручена Богом навечно. В связи с этим Империя идентифицируется с понятием «Божий Град». Это единственное земное отражение небесной Империи.
5. Идея, что имперская мощь Государства равнозначна могуществу Церкви.
6. Идея сакральности территориальной экспансии, поскольку расширение имперского пространства несет вместе с собой расширение области

применения религиозного авторитета (православная экуменическая миссия Империи), сливается с военной экспансией, культурным и духовным распространением. Завоевание означает автоматически «спасение» покоренных народов.

7. Идея православного «византийского православного превосходства» над другими народами, объединенными в имперскую территорию.
8. Идея однородности в связке с «усиленной византинизацией» завоеванных народов, проявляющейся в русификации национальных меньшинств.
9. Идея, согласно которой политический руководитель православной Империи (царь и др.) является ответственным за судьбы Церкви и гарантом православия.
10. Идея «имперской судьбы», идущая от Рима к Византии, производной которой является доктрина *Translatio Imperii* (Византия как «Новый Рим», Москва как «Третий Рим» и др.) в странах православно-византийской культуры.
11. Идея, согласно которой Империя воспринимается как бастион против Антихриста.
12. Идея политико-территориального единства [32, р. 12, 13].

Итальянский исследователь Карло Мария Санторо справедливо полагает, что самоутверждение русской национальной идентичности происходило через экспансию имперского государства. Так и не консолидовавшись, русская национальная идентичность все время оставалась в подвешенном состоянии между определением «русский» (этнически) и «россиянин» (житель России). Если говорить о патриотической идентичности, то ее единственный смысл выражается через понятие «Родина», а не нация, поскольку оно основывается на территориальной, а не этнической общности. Таким образом, русский патриотизм является формой гражданско-территориального, а не этнического национализма [30].

В национальном вопросе большевики исходили из механистического представления о том, что интернационализация капитала неминуемо ведет к утрате актуальности вопроса о национальной государственности. «...Выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, причем они возрастают с ростом капитализма [9, с. 225]. «Самоопределение наций есть истасканный лозунг миновавшей эпохи буржуазно-демократических революций и движений», – записал Ленин [Там же, с. 441].

Выступая с докладом «О проекте Конституции Союза ССР» 25 ноября 1936 г. И. Сталин отметил, что создано *многонациональное* государство с *национальной по форме* культурой народов СССР и *социалистической по содержанию*, в котором сложилось *братское сотрудничество народов* в системе единого союзного государства [12, с. 513, 514].

Вторая мировая война внесла существенный акцент в национальную политику сталинского режима, когда был использован понятийный аппарат и концепции, восходящие к великодержавной российской империи. Патриотические лозунги ассоциировались с понятием «Родина-мать». Впервые в советский период был

поставлен вопрос о «старшем брате», «руководящей силе русского народа». Реанимация панславянской концепции также относилась к заключительному этапу второй мировой войны. В послевоенный период создание советского блока проходило под знаком развития «братства социалистических народов», реализации «принципов социалистического реализма». Логическим итогом советской национальной политики стало декларирование полного слияния различных наций в бесполоую вне национальной общности – *единый советский народ*. Такова была формальная, официальная сторона советской национальной политики, которая утверждала о полной гармонии национальных отношений.

Имперская по форме национальная политика коммунистов имела существенные отличия от той, что осуществлялась в дооктябрьский период: во-первых, идеологической основой являлась универсальная интернационалистская идеология, объединяющий потенциал которой был исчерпан в короткий срок. СССР создавался не как национальный, а интернациональный союз пролетарских государств, который должен был превратиться в Мировую Социалистическую Советскую Республику; во-вторых, в советский период искусственно сдерживался процесс вызревания русского национального архетипа, который не мог быть «объединяющей нацией» и не стал ею. В итоге русские более других народов интернационализированы и деэтнизированы.

По своей сути эта политика больше напоминала американский вариант «плавильного тигля», в котором должно было выплавиться новое межэтническое единство. Однако исходные исторические, религиозные и культурные традиции, политические и экономические процессы в США и СССР были несопоставимы. Экономическая неэффективность советского строя взорвала изнутри «плавильный тигель», выплеснув наружу локальные национальные миры.

Российские реформы 90-х гг. XX в. больше напоминают незавершенную в очередной раз буржуазно-демократическую революцию. Не создав прочные основы и институты национального буржуазно-демократического государства, Россия вновь обрекает себя на политические и идеологические суррогаты имперского происхождения.

Переход от *олигархического капитализма* периода Ельцина к *государственному, бюрократическому капитализму* не содержит продуктивного потенциала. Один из представителей австрийской экономической школы Людвиг фон Мизес обращает внимание на низкую эффективность бюрократического государства. «Людвиг XIV был совершенно откровенен, когда говорил: Государство – это я. Современный чиновник гораздо скромнее. Он говорит: я слуга государства; но при этом подразумевает, что государство – это Бог. Можно восстать против короля Бурбонов, что французы и сделали. В этом случае ясно, что имела место борьба человека против человека. Но как подняться против Бога – государства и против его смиренного слуги – бюрократа» [26, р. 98].

Затаянная в начале 2000-х гг. центральной властью борьба против региональной бюрократии имела вековые основания. В современной России региональная

бюрократия не вписывается в концепцию «сдержек и противовесов». Угрожая территориальному единству России, она навязывает свои правила центральной власти. Эта практика может быть квалифицирована как «региональный цезаризм», не имеющий ничего общего с демократической системой противовесов. Но и централизация государства на бюрократической основе, попытка «встраивания» региональной бюрократии в централизованную бюрократическую вертикаль, не сопровождаемая развитием институтов гражданского общества и общественного контроля, будет неизменно сопровождаться строительством бюрократических пирамид, контролирующих друг друга. Как показывает отечественный и мировой опыт, бесконечная цепь бюрократического строительства прерывается авторитарным насилием или революцией.

Дело осталось за малым – подобрать подходящую идеологию. В том, что в ее центре будет находиться идея «Бога-государства» и его верных слуг-чиновников, не приходится сомневаться. Только либералам приходит в голову безумная мысль о том, что чиновники наняты гражданским обществом и человек важнее государства. Отвергая либеральные проекты как неприемлемые для российского общества или провалившиеся в период правления Ельцина, государственная бюрократия противопоставляет им идеологические суррогаты «державных» проектов.

По большому счету дискуссия о «либеральном» или «державном» государстве сводится к обсуждению взаимоотношений между тремя акторами в современном государстве, а именно: «личность – гражданское общество – государство». Как известно, в первом случае вектор власти тяготеет к примату личности и гражданского общества, во втором случае к примату государства. В первом случае действует подвижная система договорных отношений между властными субъектами и система «разделения властей», во втором случае жестко сконструированная властная вертикаль.

Все тоталитарные государства рушились мгновенно и быстро. И ни одно из них не восстановило свою «державность» на основе новой тоталитарной модели. Известные исторические примеры свидетельствуют, что процесс «выхода» из тоталитаризма был сложным, многолетним и имел своей конечной целью приближение к одному из либеральных проектов. Все тот же фон Мизес замечает, что на уровне типологического обобщения государственных устройств на самом деле никакого «третьего пути», «третьей системы» между советской, тоталитарной, и американской, либеральной, не существует [26, р. 25].

Идеальная модель тоталитарного общества вообще отвергает само понятие «частной», то есть закрытой для общества жизни индивидуума. Тоталитарное государство обладает неограниченной властью над обществом и любой из составляющих это общество личностей. Эта власть сочетается с мощной идеологической обработкой человека и общества в целом. Все это так. Тем не менее, попытки объяснить высокий уровень консенсуса (согласия) в тоталитарных государствах насилием со стороны режима вряд ли представляются убедительными. Фридрих фон Хайек писал о значении социальных архетипов: «Суть в том, что наши ценности и институты не просто определяются какими-то

прошлыми событиями, но формируются как составная часть процесса бессознательной самоорганизации некоей структуры или модели» [16, с. 20].

При этом, если в России и в восточных обществах демократические тенденции развития присутствовали только чисто умозрительно, то общества Европы фактически отбрасывали свои либерально-демократические традиции, которые казались архаичными в условиях нового «века машин» и «века масс». С другой стороны, объяснить фашизм у власти и современные тоталитарные тенденции вековыми традиционалистскими устремлениями народов или «примитивностью восставших масс», а развитие европейской цивилизации по пути либеральной демократии насилием либеральных политиков над народом было бы очевидным упрощением. В любом из этих случаев в поле зрения исследователей неизбежно должен войти феномен *массовизма* (понятие, введенное в оборот Б.Р. Лопуховым), или *национализации масс* (по определению Дж. Моссе), или *коллективизма* (по Р. Скидельски).

БАЛАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ И ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ

Многие исследователи тоталитаризма концентрируют внимание на особенностях политического механизма режимов и не уделяют достаточного внимания изучению самих масс, психологии масс, массовой идеологии, нового политического стиля и иных проявлений поведения масс и политической элиты. Сила тоталитарного режима – в его опоре на массы, в использовании тоталитаристских архетипов массового сознания, в достижении консенсуса между режимом и массами, по крайней мере, в период зрелой фазы тоталитарного режима. В изначальном смысле определение «тоталитарный» использовалось для типологизации обществ и режимов как коллективистских и массовых. Например, Джованни Амендола, первым употребивший понятие «тоталитарный», был антифашистом, но не анти-тоталитаристом. Его взгляды находились в плоскости «коммунитарного и солидаристского» либерализма, который можно отнести к разновидности тоталитаризма. На путь антифашистской борьбы Дж. Амендола встал в связи с тем, что фашизм, по его мнению, узурпировал политическую власть [19, р. 13, 14]. Анти-тоталитаристами, естественно, не были левые социалисты и коммунисты.

Автор исследований идейных и культурных предпосылок германского национал-социализма и тоталитаризма Дж. Моссе обращает внимание на важную посредническую функцию *нового политического стиля* в массовом обществе [27]. В соответствии с новым политическим стилем «диктатор и народ более не противопоставлялись друг другу». «Напротив новый политический стиль выполнял посредническую миссию между ними, подменяя ту роль, которую парламент выполняет в либеральном государстве. Через ритуалы и праздники, мифы и символы народ привлекался к активному участию. Для миллионов людей это была истинная демократия...» [Там же, р. 7].

Используя новый политический стиль как выражение демократии, итальянский фашизм и герман-

ский национал-социализм были в состоянии поддерживать консенсус и тем самым скрывать их провалы в социальной и экономической областях. Чтобы быть точнее, отметим, что тоталитарные режимы использовали разнообразные формы подавления индивидуальности. В первые годы пребывания фашистов у власти от большей части населения требовались лишь разнообразные формы конформистского поведения. То, что Дж. Талмон назвал «тоталитарной демократией», на самом деле, являлось «новым политическим стилем, альтернативой парламентскому правлению, которая проявлялась в осуществлении современной политики интегрировании масс в политическую жизнь и в организации посредничества между руководством и народом» [27, p. 7].

Специфика тотальной массовизации современных обществ такова, что «китайской стены» между *тоталитарной* и *нетоталитарной* формами организации обществ практически не существует. Новый политический стиль эффективно применяется в государствах как тоталитарной, так и либеральной демократии. Поэтому в «стерильном» научном смысле понятия «демократия» тоталитарный режим соотносим с демократией как особый тип демократического устройства (*тоталитарная демократия или прямая демократия*). Нам видится научно более корректным установление следующих антитез, например, *либеральный – тоталитарный, либеральная демократия – тоталитарная демократия, либеральный режим – тоталитарный режим*. Во всех случаях речь идет о сопоставлении *идеальных* моделей.

Традиционалисты противопоставляют либеральным моделям демократии свой первофундамент – «органическую демократию», основанную на принципе «братства». «Смысл «органической демократии», – по определению Алена де Бенуа, – в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет *народ* как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и политическую традицию, которая ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжалостный механизм, но как *живой организм*, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть» [4, с. 289].

Но для реализации этого типа демократии необходимо создание «однородного, гомогенного общества». Нарушение однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. По мнению А. Дугина, между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия. Конечно, если при этом во всех этих формах соблюдается самое главное условие – «соучастие» народа или народов в своей политической судьбе. Антиномию «органическому народу» составляет «разнородная *масса*». Процесс раскалывания единого и органического народа, – продолжает А. Дугин, – вызван политическими действиями либералов. Впротивномслучаеисохранениеиразвитие«органического

общества» может продолжаться бесконечно долго. Механизм поддержания или создания органического общества достаточно прост и действует, по словам Дугина, через «вытеснение» на периферию тех, кто имел к органическому единству народа случайное или далекое отношение. «Если либеральная демократия настаивает на «правах человека», то органическая демократия должна настаивать на «правах гражданина», и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии». При этом понятие «гражданин» трактуется традиционалистами как «член «братства» сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей, которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места» [Там же, с. 294, 295].

Измерением культурного, политического, идеологического, религиозного «органической демократии» является «коллективное бессознательное», выступающее как некая «общественная душа народа, в которой отпечатывается сакральная, историческая память и которая хранит в себе с древности психические архетипы *Традиции* в виде загадочных символов, смутных образов и характерных грез» [Там же, с. 301]. Как в данном случае не вспомнить рассуждения В. Суркова о «глубинном народе» [13]. Наконец, по мнению Дугина, если для реализации «органической демократии» на Востоке существуют все предпосылки, то на Западе, склонном к либеральной, индивидуалистической модели демократии, их еще необходимо создать [4, с. 301].

Оба направления политической мысли – тоталитарное и либеральное – утверждают высшую ценность свободы. Либеральные мыслители видят сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения. Конечные цели либеральной демократии не носят конкретного характера. Они полагают, что в отсутствие принуждения люди и общество через пробы и ошибки в конечном итоге могут достичь социальной гармонии. Использование силы для достижения цели считается злом.

В то время как традиционалисты уверены, что свобода может быть реализована лишь в процессе стремления к абсолютной коллективной цели и в ее достижении прямыми действиями. Проблема, с которой сталкивается тоталитарная демократия, может быть названа парадоксом свободы. Совместима ли свобода человека с исключительностью его существования как социального феномена, даже если эта исключительность нацелена на достижение максимума социальной справедливости и безопасности? Тоталитарная демократия отвечает положительно на этот вопрос. Провозглашаемая цель рассматривается как имманентная для разума и воли человека, являющаяся гарантией его свободы. Именно по этой причине крайние формы народного суверенитета стали наиболее важным сопутствующим элементом этой абсолютной идеи. Все конкретные проблемы и парадоксы тоталитарной демократии объясняются трудностью примирения свободы с идеей абсолютной цели. Эту трудность можно преодолеть лишь при условии, если мы будем мыслить исходя не из того, каков есть человек, а из того, каким

он должен и может быть при создании соответствующих условий. При таких условиях должен исчезнуть конфликт между спонтанностью и долгом, а вместе с ним и необходимость в принуждении. На практике, подчеркивает Дж. Талмон, проблема состоит в том, исчезнет принуждение в силу того, что все научатся жить и действовать в гармонии, или же в силу того, что все инакомыслящие будут ликвидированы [14].

Есть ли ограничители у этих бесконечных проявлений актов свободы? Согласно мнению И. Егорова *необходимость* накладывает фундаментальные ограничения на свободу. Именно здесь и происходит отбор на выживание, на воспроизводство жизни. Именно здесь свобода «соединяется» с необходимостью. *То, что выживает, получает санкцию на существование во времени. В ходе своей истории человек постоянно стремится расширить ареал свободы, но реализованная, объективированная свобода в каждый данный момент времени становится реализованной возможностью, а тем самым и частью необходимости* [5, с. 110].

Таким образом, *сама жизнь есть постоянный переход от свободы к необходимости и обратно, то есть процесс пульсирующий и колебательный.* Действительно, чем ближе мы подходим к границе области условий, совместимых с жизнью, тем строже обнаруживают себя причинно-следственные (каузальные) связи, тем все больше сужаются, постепенно сходя на нет, возможности выживания, тем вернее действует принцип «быть или не быть». *В этом крайнем пределе необходимость переходит в детерминизм, а свобода исчезает.*

Если отталкиваться от исторического опыта, то использование тоталитарных моделей должно быть этически и политически табуированным. Мировой опыт не дал ни одного жизнеспособного варианта тоталитарной модели. Однако присущая только человеку игра на грани самоуничтожения провоцирует новые социальные соблазны. Тем более, что путь трансформации тоталитарных структур в либеральное демократическое общество оказался более сложным, чем это предполагалось на теоретическом уровне. Как пишет Урс Альтерматт, «даже в демократической Западной Европе экономические успехи в странах – «тиграх» Юго-Восточной Европы вызывают постановку вопроса о том, не следует ли отказаться от гражданских прав, чтобы достигнуть более высокого уровня благосостояния? Не говоря уже о посткоммунистических обществах Восточной Европы, которые подвергаются опасности погрузиться в анархический хаос мафии и манчестерского либерализма, правового популизма и этнонационализма, где нежный авторитаризм кому-то кажется заманчивым выходом из трансформационного кризиса» [1, с. 17].

И все-таки общество, в котором индивидуальная свобода является маргинальной ценностью, а уважение к другой личности предрассудком, больше других обречено на воспроизводство тоталитарных феноменов.

Российское общество пребывает в униженном состоянии *постимперского синдрома*. Его основной особенностью, на наш взгляд, является состояние *отложенной* массовой мобилизации. В каком направлении может быть канализирован массовый порыв, будет ли он обладать созидательной или разрушительной силой зависит от ответственной политической элиты,

которая, может быть, наконец-то завершит застрявший в веках проект буржуазно-демократического национального российского государства?

В нынешней ситуации в России мы можем задать еще один вопрос: как будет развиваться политическая, экономическая и социальная ситуация в обществе, в котором исторически отсутствуют институты индивидуализма? Предыдущий опыт СССР показал, что недооценка ценностей «я» и «личность» не привела к дружескому сотрудничеству между «нами» и «государством». Вместо этого был создан режим тотального угнетения со стороны государства против двух субъектов: «нас» и «я».

В современной России коллективистские идеи продолжают оставаться способом мышления масс, слухи о смерти коммунизма оказались преждевременными. Таким образом, характеристику современного российского общества можно оценить, как антибуржуазную, антикапиталистическую и антидемократическую.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА В ПЛЕНУ ЕВРОФОБИИ

Традиция имперского правления вновь развивается в политике современной России. Многие атрибуты имперской власти были восстановлены: орел, скипетр и сфера. Политический правящий класс живет в мире иллюзий прошлого. Идеал русского лидера – быть таким, как царь, или «завоеватель земель», «спаситель Руси», «освободитель Европы» и «защитник консервативных ценностей». Совпадение имени князя Владимира с именем президента Путина придает особую торжественность памяти о крещении Руси и устанавливает тесную связь между прошлым и настоящим. Крещение Руси и Великая Победа в Отечественной войне находятся в арсенале символической памяти российского политического режима. Ни один российский лидер не связывает процессы модернизации с глобализацией. После распада СССР Российская Федерация искала, но не нашла своей ниши в современном экономическом мире. Правящий класс опасается, что глобализация может спровоцировать политическую революцию. В Кремле считают, что политика «осажденной крепости» оберегает правящий класс от восстаний. Экономическая автаркия, необходимость маленькой победоносной войны, угрозы со стороны Запада создают предпосылки для мобилизации масс. Власть пытается создать общественный консенсус, основанный на историческом неприятии Европы. Тактика «осажденной крепости» дает свои плоды. Большая часть российского общества разделяет имперские, антидемократические, антилиберальные и антиевропейские взгляды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
2. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.
3. *Бердяев Н.* Самопознание. М., 1990.
4. *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994.
5. *Егоров И.* Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. 1999.
6. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972.
7. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27.
10. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1992.
11. *Михайленко В.И.* Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19402/1/iuro-2013-112-02.pdf> (дата обращения 11.03.2017).
12. *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1952.
13. *Сурков В.* Долгое государство Путина // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 14.02.2019).
14. Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. 1. М.: ИНИОН, 1993.
15. *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
16. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. М., 1992.
17. *Эко У.* Пять эссе на темы этики. СПб., 2000.
18. *Agursky M.* La Terza Roma. Il nazionalbolscevismo in Unione Sovietica. Il Mulino, 1989.
19. *Bedeschi G.* Il fascismo di Amendola // Storia contemporanea. 2000. № 4.
20. *Chabot J.-L.* Il nazionalismo. Mondadori, 1995.
21. *Chiesa G.* Putinfobia, Ed. Piemme, 2016. La biblioteca di Pandora – Giulietto Chiesa: Putinfobia // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.pandoratv.it/?p=7450> (дата обращения 10.12.2017).
22. *Gianotti L.* Putin e la Russia. Irresistibile e anacronistico ritorno all'autocrazia, Ed. Riuniti, 2014
23. Il grande saccheggio di Francesca Mereu (intervista). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://letteratitudinenews.wordpress.com/2018/03/28/il-grande-saccheggio-di-francesca-mereu/> (дата обращения 10.03.2019).
24. *Mereu F.* L'amico Putin. L'invenzione della dittatura democratica. Alberti ed., 2011.
25. *Mettan G.* Russofobia. Mille anni di diffidenza. Ed. Teti, 2016.
26. *Mises L.* Burocrazia. Milano, 1991.
27. *Mosse G.L.* Democrazia totalitaria e nuovo stile politico // Nuova storia contemporanea. 1998. № 4.
28. *Mosse G.* La nazionalizzazione delle masse. Il Mulino, 1974
29. *Neglie P.* Un secolo di anti-Europa. Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. Rubbettino ed., 2003
30. *Santoro C.M.* La politica estera e strategia della Russia // Affari Esteri. 1994. Aprile.
31. *Strada V.* La questione russa: identità e destino. Marsilio ed., 1991.
32. *Vitale A.* Saggio introduttivo // F. Thual. Geopolitica dell'Ortodossia. S.E. Barbarossa, 1995.
33. *Vitale A., Romeo G.* La Russia postimperiale. La tentazione di potere. Rubbettino ed., 2009.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Кузьмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург) (специальность 07.00.03)